

Елена ДЁМИНА

преподаватель

Узбекский государственный университет

мировых языков

aprilinka@mail.ru

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «ЛЮБОВЬ» В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ БУНИНА

Мақола лингвоконцептологиянинг долзарб муаммоларига бағишланган. И. А. Бунин ҳикоялари материали асосида «севги» концептининг семантик майдонини тўлдириши таҳлил қилинади. Асосий концепт семалари (ягона, аҳамиятли) бир қаторида муаллифнинг индивидуал олам манзараси (севги – илоҳи, грамматика, санъат) константлари аниқланади. Биполярни ассоциациялари (хурсандлик/хафалик, омад/бахтсизлик) концептнинг кўриб чиқилди.

Статья посвящена актуальным проблемам лингвоконцептологии. На материале рассказов И. А. Бунина анализируется семантическое наполнение концепта «любовь». Наряду с ключевыми базовыми семемами концепта (уникальность, значимость) выявляются константы индивидуально-авторской картины мира (любовь – святость, грамматика, искусство). Констатируется биполярность ассоциатов (радость/скорбь, счастье/трагедия) в семантической структуре концепта.

The article is devoted to actual problems of linguoconceptology. On a material of Bunin's stories semantic filling of concept «love» is analyzed. Along with key base concept's sememes (uniqueness, importance) come to light constants of an individually-author's picture of the world (love – sanctity, grammar, art). Bipolarity of association (pleasure/grief, happiness/tragedy) in concept's structure is fixed.

Калит сўзлар: тил ўргатувчи шахс, олам мавзораси, кадрлар, концепт, индивидуал маъноси, концепт вербаллашуви.

Ключевые слова: языковая личность, картина мира, ценности, концепт, индивидуальный личностный смысл, вербализация концепта.

Key words: Language Personality, world-image, values, concept, individual personal meaning, verbalization of concept.

Проблема корректной интерпретации речевого произведения (понимания текста, созданного языковой личностью) является одной из центральных

проблем филологической науки. Причин неверной интерпретации текстов, созданных на языке, носителем которого является адресат, немало: неспособность понять вследствие различий в когнитивной модели мира адресата и адресанта (отсутствие соответствующего опыта), нежелание принять иную точку зрения и другие обстоятельства, сводимые к культурному фону реципиента.

Существенной помехой признаётся бессилие слова, о чём писали Р. Барт, Р. О. Якобсон, Е. Г. Эткинд: *«Речь, величайшее богатство человека, предназначена для наименования предметов, поступков, событий, но не чувств и мыслей»*(7, с. 18). О поиске возможных средств вербализации психических феноменов говорили мастера художественного слова, носители культуры разных эпох и стран. Ср. в стихотворении В. А. Жуковского «Невыразимое»(1819): *«Какой для них язык?.. / Горе душа летит, / Все необъятное в единый вздох теснится, / И лишь молчание понятно говорит»*. Ср. также в письме О. де Бальзака: *«Зачем ты требовала от меня, чтобы я выразил словами то, что мне хотелось выразить лишь взглядами? Этого рода представления теряют, облекаясь в слова. Я хотел бы их передать из души в душу пламенем моих взглядов»* (5, с. 224).

Любовь – это духовная сущность, имеющая мировоззренческий характер и представляющая безусловную жизненную ценность для говорящего; ментальный артефакт высшей степени абстракции – концепт. По определению Ю. С. Степанова, концепт – сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека, и то, посредством чего человек сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее(6, с. 40). Это – многомерное интегративное ментальное образование, отмеченное этнокультурной спецификой, включающее интеллектуальную, общеаксиологическую и эмоциональную оценку и окраску при вербальном оформлении. Любой концепт выражает субъективное отношение к объекту обозначения.

В рассказах И. А. Бунина романтическая любовь сливается с концептом мечты: *«Я вырос..., горячо мечтаю о любви»*(2, с. 466), являет собой ценность, которую с нетерпением ждут: *«Митя столь неожиданно оказался в том сказочном мире любви, которого он тайне ждал с детства, с отрочества»*(2, с. 126). Эта аксиологическая сущность сродни искусству, истинные ценители которого изучают его каноны (*Грамматика любви*), восторгаясь произведениями, неповторимыми в своей уникальности. Объект любви всегда **единственен и уникален** в своей **ценности**: *«Возлюбленная нами, как никакая*

другая возлюблена не будет! – *Amata nobis quantum amabitur nulla!*»(2, с 450); образ возлюбленной И. А. Буниным воспевается до обожествления: «Её юная прелесть могла почитаться небесной. Блаженны видевшие Её при жизни»(2, с. 210). Прекраснейшая солнца – героиня одноимённого рассказа, восхищающего своей прецедентностью, почитается умом и сердцем влюблённого, приобщается к лику святых: «Полюбил Её великой любовью, приобщившей Её к лику Беатриче и славнейших женщин мира». Возлюбленная именуется как «Владычица моя»(2, с. 212), ср. православную молитву: «Пресвятая Владычице моя Богородице»(4, с. 12). Язык произведения стилизован, дабы передать дух эпохи (Возрождение), к тому же, высокий стиль и графическое выделение местоимений (*Она, Её*) наиболее точно передают чувства: свидетельствуют о пиетете перед возлюбленной, «славной собственными добродетелями»(2, с. 211), чей земной образ был славим двадцать один год и «ещё четверть века – её образ загробный»(2, с. 212).

Приобщение возлюбленной к лику святых явлено и в «Грамматике любви», ср.: «Опустевшее святилище таинственной Лушки», «Легендарная Лушка»(2, с. 93). Мечта о высшей идеальной бесконечной любви получила своё поэтическое воплощение в конфузливо-шутливом признании героя рассказа Ивлева: «Оттого, что этот чудак обоготворил её, всю жизнь посвятил сумасшедшим мечтам о ней, я в молодости был почти влюблён в неё»(2, с. 93). Образ «той, которой суждено было быть столь любимой»(2, с. 97) «не мог не быть прекрасным». Романтично описывает автор это глубоко личностное чувство, указывая на **неконтролируемость**: «Истинная любовь не выбирает», «Любовь не есть простая эпизода в нашей жизни. Разум наш противоречит сердцу и не убеждает оно», «Женщина прекрасная должна занимать вторую ступень; первая принадлежит женщине милой. Сия-то делается владычицей нашего сердца: прежде, нежели мы отдадим о ней отчёт сами себе, сердце наше делается невольником любви навеки»(2, с. 98). Указание на **центральность** «Вошла она навсегда в мою жизнь», уникальность объекта любви, становление возлюбленной целым миром, единственно важным сосредоточием любящей души, исполнено трагизмом. Ср. «И вдруг свалилась на него эта любовь, эта Лушка, потом неожиданная смерть её, – и всё пошло прахом»(2, с. 93). Восторг и трагизм, любовь и смерть – это те концепты, которые будто невидимой нитью сцеплены И. А. Буниным. Восхитительно трагично именуется И. А. Бунин любящего – героя рассказа «Грамматика любви»: «Ошеломлённая, вся на одном сосредоточенная душа», и вместе с тем, отодвигая трагизм, восторженно замечает: «бедный приют любви, любви непонятой, в какое-то экстатическое житие превратившей целую

человеческую жизнь, которой, может, надлежало быть самой обыденной жизнью, не случись какой-то загадочной в своём обаянии Лушки»(2, с. 97). Любовь делает мир (даже вещественный) вокруг любимого человека значимостным, ценным: «Ивлев увидел заношенный шнурок, снизу дешевеньких голубеньких шариков... И такое волнение овладело им,.. что зарябило в глазах от сердцебиения»(2, с. 97); ср.: «Она прижала картуз к груди: ... я его буду беречь»(2, с. 447).

Речь влюблённых, их обращение на «ты», указывает на духовно-психологическое равенство, несмотря на социальное различие. Мена речевого кода, – переход на «вы», – свидетельствует об изменении межличностных отношений в сторону отчуждения: «Вы со мной говорите уже на “вы”,.. вы могли бы хоть при мне не говорить с ним на “ты”» (2, с. 442). Ср. пушкинское: «Пустое «Вы» сердечным «ты» она, обмолвясь, заменила»; ср., также ахматовское: «И как будто по ошибке / Я сказала: “Ты...” / Озарила тень улыбки / Милые черты. / От подобных оговорок / Всякий вспыхнет взор... / Я люблю тебя, как сорок / Ласковых сестер» (1, с. 8).

Любовь в произведениях И. А. Бунина определяется *великой, беспримерной, бессмертной* («Прекраснейшая солнца»), минуты жизни, освещённые любовью, именуются *не лучшими, а истинно волшебными* («Тёмные аллеи»). Рок, фатум, смерть часто следуют за безоблачно счастливыми радостными моментами. Счастье любви в произведениях И. А. Бунина утверждается в риторических вопросах: «Хотя разве бывает несчастная любовь?.. Разве самая скорбная в мире музыка не даёт счастья?»(2, с. 486).

Изучение языковой личности предполагает выявление и установление иерархии смыслов и ценностей в её картине мира, мотивов и целей, движущих её поведением и управляющих её текстопроизводством (3, с. 37). Проблема определения человека как личности – уникального (индивидуального) в нём и общесоциального – возможна через рассмотрение концептуальной системы, запечатлённой в речевых произведениях языковой личности. Любовь – один из ключевых концептов для понимания мировосприятия, самоощущения автора и определения себя внутри социума.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Ахматова А. Не тайны и не печали...: Стихотворения. – Т.: Изд-во литературы и искусства, 1998. – 463 с.
2. Бунин И. А. Рассказы и повести. – Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1985. – 509 с.

3. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. – М: Наука, 1987. – 264 с.
4. Краткий православный молитвослов. – М.: Издание московской патриархии, 1956. – 144 с.
5. Любовь в письмах выдающихся людей XVIII и XIX века: Избранные письма. – М.: Политиздат, 1990. – 575 с.
6. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.
7. Эткинд Е. Г. «Внутренний человек» и внешняя речь. Очерки психопозтики русской литературы XVIII–XIX вв. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. – 312 с.